

Anna A. Makarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Yulia B. Popova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Zoomorphic Pattern in Collective Nicknames among the Residents of the Russian North

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 1, pp. 30–46

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002

Language of the article: Russian

Макарова Анна Андреевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Попова Юлия Борисовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 30–46

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002
УДК 811.161.1'282.2(470.1/2) + 81'373.613

А. А. Макарова*
Ю. Б. Попова**

*Уральский федеральный университет

*Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

**Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье на материале коллективных прозвищ жителей Русского Севера (Архангельской и Вологодской областей) рассматривается продуктивная зооморфная модель номинации. В качестве источников используются коллекции Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ), включающие материалы полевых экспедиций на Русский Север (1960–2019), а также данные из опубликованных словарей и монографий. В статье выявлен набор лексем, функционирующих в рамках этой модели, определена география коллективных прозвищ, осуществлен тематико-мотивационный, ономаσιологический, контактологический анализ материала. Коллективные прозвища в ряде случаев рассматривались на фоне других разрядов прозвищной антропонимии: семейной и индивидуальной. В анализируемом корпусе прозвищ встречаются номинации, образованные от общерусских лексем типа *вороны*, *ерши*, *зайцы*, *кулики* и др. Фиксируются также более редкие наименования, образованные от диалектных названий животных, птиц, рыб и насекомых (*ревяки*, *свизи*, *сивкуны*, *пепяки*). Логика формирования набора наименований животных, функционирующих в рамках прозвищ (в порядке убывания частотности: птицы, рыбы, дикие животные, домашние животные, насекомые, земноводные), а также существенные количественные расхождения между антропонимиконом Архангельской и Вологодской областей (более 200 единиц против 88) определяются в первую очередь особенностями ландшафта (лесного и водного) и промысловой (охотничьей, рыболовной)

© Макарова А. А., Попова Ю. Б., 2020

специализацией населения. Сравнительно редко реализуются в рамках зооморфных коллективных прозвищ характерологические мотивировки, которые широко представлены в индивидуальной прозвищной антропонимии. Активность некоторых тематико-мотивационных разрядов в прозвищной номинации (особенно «птичьего») объясняется, вероятно, влиянием субстратных финно-угорских языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, диалекты, антропонимия, коллективные прозвища, зооморфная модель, языковые контакты, лингвогеография, Русский Север.

В статье на антропонимическом материале Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) рассматриваются коллективные прозвища, образованные от названий животных (домашних и диких), птиц, рыб, земноводных и насекомых. В качестве источников используются, во-первых, богатейшие коллекции Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ), включающие материалы полевых экспедиций на Русский Север (1960–2019)¹; во-вторых, данные из опубликованных словарей и монографий, главным образом «Словаря коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [2011]², книги «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика» Н. В. Дранниковой [2004] и некоторых других источников.

Зооморфная модель в коллективных прозвищах является одной из наиболее продуктивных, что дает возможность, анализируя ее, определить номинативные тенденции, присущие изучаемому разряду прозвищ в целом. Кроме того, данная модель реализуется и в других разрядах прозвищ — семейных и индивидуальных (равно как и в апеллативных номинациях, содержащих качественную характеристику человека), а это позволяет высказать предположения о том, в чем состоят особенности реализации этой универсальной модели в каждом из разрядов. Задачи предпринимаемого исследования — выявление набора апеллативов, легших в основу прозвищной номинации, характеристика географии коллективных прозвищ в рамках зооморфной модели, а также анализ тематико-мотивационного, ареального распространения прозвищ, их ономаσιологической специфики. При необходимости для интерпретации привлекаются данные других ономастических разрядов.

Количество коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, составляет более 200 единиц, Вологодской области — 88 прозвищ (вдвое меньше). При подсчетах учитывалось не количество полевых фиксаций (одно и то же прозвище может быть зафиксировано несколько раз, такие фиксации сводились к одной), а условные ономастические единицы,

¹ Все прозвища и контексты, даваемые без ссылки на источник, извлечены из картотек ТЭ УрФУ.

² Этот словарь тоже включает в себя (среди прочих) материалы ТЭ УрФУ, но хронологически он ограничен записями 1960–2007 гг.

выделенные на референциальном основании (такая единица — прозвище, соответствующее одному объекту номинации). Для изучаемых прозвищ характерны следующие отношения лексической системности — с и н о н и м и я: например, жители одной и той же деревни имеют прозвища *зайцы* и *кролики*; о м о н и м и я: жители 13 различных деревень носят коллективное прозвище *ерши*, причем омонимичными могут быть и прозвища внутри одного административного района; м е т о н и м и я: например, прозвище *кулики* зафиксировано в Онежском районе Вологодской области для наименования жителей двух деревень, расположенных недалеко друг от друга: д. Большой Бор и д. Чекуево; прозвище *стерлядни* относится не только к жителям г. Онега, но и всего Онежского района, и т. п. Такого рода номинативные единицы отражены в подсчетах как разные прозвища.

В анализируемом корпусе прозвищ встречаются номинации, образованные от общерусских лексем и в силу этого получившие широкое распространение, типа *вороны* (15 омонимичных прозвищ в разных районах Русского Севера), *ерши* (13 прозвищ), *зайцы* (11 прозвищ), *кулики* (7 прозвищ). Фиксируются также и более редкие наименования, образованные от диалектных названий животных, птиц, рыб и насекомых. Например, *ревяки* ‘жители д. Солза’ (С-Двин.), ср. арх. *ревяк* ‘небольшая рыбка семейства бычков’ [КСГРС]; *сви́зи* ‘жители д. Сарчема’ (В-Т), ср. арх. *сви́зь* ‘порода уток’ [КСГРС]; *сивкуны́* ‘жители д. Нокола’ (Карг.), ср. арх. *сивку́н* ‘мелкая пресноводная рыба (какая?)’ [КСГРС]; и др.

Далее материал представлен по тематико-мотивационным группам, при этом порядок следования групп определяется их продуктивностью.

«Птицы». Среди коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, преобладают прозвища, мотивированные названиями птиц: из более чем 200 прозвищ 90 образованы по «птичьей» модели. В Вологодской области данная тематико-мотивационная группа занимает лишь третье место по частотности фиксаций, уступая лидерство группам «Домашние животные» и «Рыбы». Зонами повышенной номинативной плотности для «птичьих» прозвищ являются северные районы Архангельской области — Лешуконский, Мезенский, Онежский и Пинежский, а также Верхнетоемский район Архангельской области и Бабаевский район Вологодской области. Ареалы повышенной номинативной плотности данного типа коллективных прозвищ могут являться показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области, в бассейне р. Мезень (*зеле́зени*, *тетёры*, *куку́шки*, *со́вы*, *воро́ны*, *дрозды́*, *крохали́*, *петухи́*) и в бассейне р. Онега (*воро́ны*, *га́лки*, *голубки́*, *журавы́*, *косачи́*, *кулики́*).

В связи с этим заманчиво было бы предположить, что рассматриваемые названия хранят память о финно-угорском населении Русского Севера. Известно, что в ономастике финно-угров широко распространена оттотемная модель номинации, причем птицы — излюбленные тотемы финно-угров. Так, В. А. Агапитов

отмечает, что от птичьих имен происходят не только многочисленные топонимы и антропонимы, но и астронимы (например, фин. *Linnunrata* «Птичий путь» 'Млечный путь') [Агапитов, 1992, 50]. И. Ю. Винокурова на вепсском материале выделяет признаки культа, восходящие к тотемистическим представлениям, для целого ряда птичьих образов (лебедь, утка, журавль, орел и др.) [Винокурова, 2006, 54, 56, 60, 67]. Таким образом, тотемные названия, распространенные в языках аборигенного населения, могли повлиять на создание ономаσιологической модели «коллектив людей ← птицы», которая затем получила новое мотивационное наполнение.

Основными мотивами номинации для прозвищ данной группы служат указания на особенности места проживания номинируемого коллектива (на горе, на болоте, в лесу и т. п.). Очевидно, поэтому лидирующее место занимают названия диких птиц, живущих в наиболее характерных местах обитания — в лесу, на болоте или на морском побережье. Например, *газáры* 'жители берегов реки Сухона' (М-Реч.) [СВГ, 1, 115]; *журавли́* 'жители д. Медведково' (Он.): «Там болотистые места, журавы всё кричали»; 'жители д. Андреев Починок' (Уст.); 'жители д. Чукшино' (Баб.): «Средь болот жили, вот и звали журавлями»; 'жители к. д. Польченга' (Кир.): «Здесь болот много и журавлей; в лесу живут; кричали, как журавли»; *ка́йки* 'жители к. д. Ротковец' (Кон.), ср. арх., влг. *ка́йка* 'озерная птица типа чайки' [СГРС, 5, 23]: «У нас в Ротковце озеро святое, бабы выйдут на прорубь бельё полоскать, и — кай-кай-кай — как галки галдят»; *кулики́* 'жители части д. Даниловская' (Вил.): «Болотные жители, одни лягухи, другие — кулики»; 'жители д. Гъжег' (Лен.): «Кулики у болота жили»; 'жители д. Большой Бор' (Он.): «Боровляне — кулики, не отходят от реки»; 'жители д. Ключи' (Бел.): «Мы как кулики, на одной ноге здесь стоим, на болоте»; *мошники́* 'жители д. Ближняя Слобода' (Баб.), ср. арх., влг. *мошник*, *мошняк* 'глухарь' [СГРС, 7, 350]: «В лесе жили, как мошники»; *орлы́* 'жители д. Ключинская' (Вил.): «На горке деревушка стоит, они горные жители»; 'жители д. Б. Толша' (Лен.): «Орлы на горе жили».

Часть этих птиц являлась объектом охотничьего промысла, при этом прозвище может указывать на птицу как на объект охоты (а затем «поедания»), ср.: *кулички́* 'жители пос. Каменка' (Мез.): «Говорят, раньше они, особенно дети, ставили всякие силки на небольших пестрых птичек куличков. Поймают они их, а потом развешивают по поселку: то на деревьях, то на ворота повесят» [Дранникова, 2004, 125]; *куропти* 'жители д. Погорелец' (Мез.), ср. арх. *куропоть* 'куропатка' [СГРС, 6, 301]: «Рядом кочевали ненцы, и один из погорёл украл у них из котла куроптя, а потом и съел его» [Дранникова, 2004, 90]; *куропы* 'жители с. Койда' (Мез.): «Так как любит народ куроптей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать» [Там же, 318]; *со́вы* 'жители с. Дорогорское' (Мез.): «Сов ловили»; «Съели когда-то сову». Несколько иначе дела обстоят с прозвищем *канюки́* 'жители д. Ура' (Пин.), ср. *канюк* арх. 'полярная сова', влг. 'бекас',

‘чибис’ [СГРС, 5, 59]: «Жителей называют канюки, видимо, из-за того, что они к охоте были приучены с детства, ведь деревня расположена в лесу, почти не имела никакой связи с центром» [Дранникова, 2004, 125]. Скорее всего, здесь метафора: жителей деревни сравнивают с лесными птицами, занимающимися охотой.

Таким образом, разнообразие представленных в прозвищах названий птиц свидетельствует, на наш взгляд, о том, что птица играла важнейшую роль в жизни номинаторов и номинируемых, в первую очередь это касается промысловой птицы — наиболее широкая вариативность за счет диалектных вариантов представлена для утки и тетерева. При этом прозвище, образованное собственно от лексемы *утка*, зафиксировано лишь для одного объекта: *ўтки* ‘жители д. Нижняя Ваеньга’ (Вин.): «Охотой занимались»; «Болот у их много». Остальные прозвища образованы либо от диалектных названий утки, либо от названий разновидностей утки: *кροхалі* ‘жители д. Усть-Низемье’ (Леш.): «Во время войны они ели крохалей»; «Назвали их так потому, что они ездили на сенокос на лодках и гребли веслами, и это у них быстро получалось. Поскольку есть такая птица крохаль, водная, быстроплавающая, так жителей и назвали крохали» [Дранникова, 2004, 314]; *свизі* ‘жители д. Сарчема’ (В-Т): «Сарчемёна — свизи, у топи живут. Свизи — это утки, у них така тоня есть»; «Свизи, потому что Пинега разливалась и их топило — на три части разделяло деревню, как свизи на воде жили», ср. арх. *свизь* ‘порода уток’ [КСГРС]. Из обозначений разновидностей тетерева в прозвищном материале зафиксированы следующие варианты: *косачі* ‘жители д. Шиленьга’ (Вин.); ‘жители д. Макарьино’ (Он.); ‘жители д. Лохново’ (Пин.); *польнікі* ‘жители пос. Усть-Ваеньга’ (Вин.): «Охотники были»; «Охотой занимались»; ‘жители д. Дальняя Слобода’ (Баб.); ‘жители д. Суборная’ (Ник.), ср. арх., влг. *пóльнік* ‘тетерев’ [КСГРС]; *тетёры* ‘жители Ваеньгского сельсовета’ (Вин.): «Все мужики — охотники у нас»; «В тайге деревня, видимо, птиц больше ловили»; «У их там все охотники»; ‘жители д. Ручьи’ (Мез.): «Тетёры там, что ли, водятся».

Из названий домашней птицы в коллективных прозвищах фиксируется лишь одна лексема, номинирующая три объекта: *петухі* ‘жители д. Пучужская’ (В-Т); ‘жители д. Некрасово’ (Леш.); ‘жители д. Инцы’ (Мез.). Отметим, что данные населенные пункты находятся в районах Архангельской области, для которых концентрация «птичьей» модели наиболее высока: так, в Верхнетоемском районе в системные отношения входят следующие прозвища: *ворóны*, *гагáи*, *лесніе ворóны*, *свизі*, *соловьі*, *тетёри*, в Лешуконском районе — *ворóна*, *ворóны*, *вороня́та*, *гагáрники*, *голубя́та*, *дрозды́*, *кροхалі* (про «птичью» систему в бассейне р. Мезень упоминалось выше). В связи с этим можно предположить, что коллективное прозвище *петухи* не имеет столь яркой коннотации, как при индивидуальной номинации, а лишь вписано в логику номинативной модели, преобладающей в данных районах. Тот факт, что при индивидуальной номинации прозвище выполняет яркую характеризующую функцию (внешний вид),

подтверждается следующими примерами: *Митя́й-Петушо́к* ‘житель б. д. Никулинская’ (Карг.): «Маленький такой старичок, востренький, бородак вперёд, глаз неупокойный, всё в разные стороны головой дёргает, глазами моргает, чисто петушок»; *Серёжка-Петушо́к* ‘житель д. Кузнецово’ (Котл.): «Он худенький, маленький»; *Пету́х* ‘житель д. Кянда’ (Он.): «Этот-то маленькой ростом — Курица, а Колька высокий — Петух называют»; *Пету́х* ‘житель д. Горка-Ладковщина’ (Холм.): «Петух-от кудрявый парень, волосы густые, петухами такими, хохлы-те во все стороны торчат».

Кроме того, необходимо учитывать тесную связь именно этого типа зооморфных прозвищ с фамилиями местного населения, ср.: *воробьи́* ‘жители д. Сырья’ (Он.), все жители которой носят фамилию *Воробьёвы* [см. об этом: Макарова, Чекан, 2019, 18], однако более всего указанное взаимодействие характерно для семейных прозвищ типа *Петухи́* (*Петухо́вы*, *Петуша́та*, *Петушкí*), в большинстве мотивировок для которых актуализирована связь с фамилией *Петуховы*. При этом исследователю не всегда удается точно установить направление взаимодействия фамилии и прозвища.

«Рыбы». Еще одна продуктивная модель образования коллективных прозвищ — наименования, производные от обозначений рыб. Такие коллективные прозвища сконцентрированы, во-первых, в районах, расположенных в поморской зоне (Онежский, Приморский, Мезенский), а во-вторых, в бассейнах крупных промысловых рек — Ваги, Верхней Тоймы, Мезени, Онеги, Пинеги, Суды — и местных озер — Воймозеро, Нижмозеро, Нюхчезеро и др. В «рыбных» прозвищах отражаются ландшафтные особенности (наличие моря, реки, озера), а также промысловая специализация населения. Выбираются названия тех рыб, которые наиболее распространены в водоемах того или иного региона, ср. *ельцы́* (4 прозвища), *ерши́* (13 прозвищ) и др., ср. прозвище *попонаволоцкие ерши́* (*ёришки*), которое носили жители Попонаволоцкого сельсовета Вельского района Архангельской области: «Ершей много ловили». Эти примеры показывают, что могут выбираться те рыбы, которые не являются особо ценными, но ловятся близко к дому, в больших количествах, повседневно (неслучайно, рассказывая о рыбалке, информанты подчеркивают, что рыбу типа ершей или ельцов ловят даже дети и «бабы»). Однако нельзя исключать и возможность другой мотивации — характерологической. Так, в контекстах к коллективному прозвищу *ерши́ семовские* ‘жители д. Семово’ (Чаг.) сообщается, что «Семовских-то мы звали *ерши*, дрались шибко»; «Молодёжь больно у них не ладила, да и на берегу они жили». При этом в последнем контексте на характерологическую мотивацию накладывается локативная («жили на берегу»).

Учитывая, что рыба типа ерша не имеет особой ценности, можно заключить, что в мотивации большей части прозвищ локативная линия сильнее, чем промысловая. Сугубо промысловые прозвища находятся на периферии «рыбной» модели: *пáлтусники* ‘жители д. Климово’ (Вел.), *стерлядни́ки* ‘жители г. Онега

и Онежского района Архангельской области' [Дранникова, 2004, 50, 111], *ры́бники* 'жители д. Новосело' (Ваш.).

Выделяются специфичные производящие основы, характерные только для определенной территории: так, лексема *палтус* используется в коллективных прозвищах только на территории Вельского района Архангельской области: (*гнилбóй*) *пáлтус*, *палтася́та* 'жители д. Климово'; в семейных же прозвищах оно известно жителям смежного Верховажского района Вологодской области (*Палтасо́вские*, *Палтасёнок*), а также Холмогорского района Архангельской области (*Палтусо́вичи*). Уникальными являются наименования *гарьюса́* 'жители д. Кипарово' (Прим.), ср. арх. *га́рюс* 'рыба хариус' [СГРС, 3, 17]; *нава́жьи го́ловы* 'жители побережья Белого моря' (Он.): «Наважьи головы рыбы много ловили»; *кíслая кáмбала* (*кíслые кáмбалы*) 'жители д. Заозерье' (Мез.): «Камбалы они много ловили»; «Озеро у нас есть — Кислое, мы как раз за ним живем. А камбалы — оттого что мы их раньше много ловили»; (*андомо́горские*) *корю́и́нья* 'жители к. д. Андомская Гора' (Выт.): «Што мы корюха-то ловим»; (*со́лзины*) *ревя́ки* 'жители д. Солза' (С-Двин.), ср. арх. *ревя́к* 'небольшая рыба семейства бычков' [КСГРС]: «Они в море ревяков ловили»; *ряпу́са́* 'жители с. Лекшмозеро' (Карг.): «Название пошло от рыбы ряпус, которая ловится только у этой деревни» [Дранникова, 2004, 311]; «Лекшмозёрские — *ряпу́са*: у нас в этом озере ряпус водится, а у них <в соседних деревнях> нет» [Каргополье, 428, 432]; и др. Целую россыпь уникальных коллективных прозвищ, образованных от местных наименований рыб, дает прозвищная антропонимия Бабаевского района Вологодской области (граничащего с Карелией): *курча́ги* 'жители д. Гашково', ср. влг. *курча́г*, *курча́га* 'рыба подкаменщик' [СГРС, 6, 307]; *ли́паки* 'жители д. Межерье', ср. влг. *липа́к* 'рыба подлещик' [СГРС, 7, 94]; (*верхнеко́нская*) *наса́ра* 'жители д. Верхний Конец', ср. влг. *наса́ра* 'мелкая речная рыба' [КСГРС]: «Насары полно было, чугуны в реку ставили — ловили»; а также образованные от общерусских лексем (*га́шковские*, *новоде́ревенские*) *нали́мы*, *пескари́*.

Прозвища с финалью *-еды*, очевидно, сообщают о кулинарных предпочтениях жителей. Анализ группы таких прозвищ провела К. В. Осипова: по ее мнению, они указывают на основную промысловую породу на данной территории [Осипова, 2017, 100]. Так, жители д. Патракеевка Приморского района Архангельской области носили прозвище *ревчаёды* за то, что ели *рэвчу*: «Есть рыба *ревча*, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят» [Дранникова, 2004, 330]. Наиболее популярными прозвищами, образованными в рамках данной модели, являются *ершеёды* (6 прозвищ) и *трескоёды* (9 прозвищ), причем интересно, что они оказываются противопоставленными территориально: если наименование *трескоеды* используется исключительно по отношению к жителям Архангельской области (как отдельных городов и деревень, так и области в целом), то *ершеёдами* называют преимущественно жителей северо-запада Вологодской области (Белозерский район, д. Устье Вытегорского района,

к. д. Киснема, д. Тарасьево, с. Липин Бор Вашкинского района): «Рыболовы были, ершей ловили»; «Нас называли киснемские ершееды, потому что Киснема больше всех ловила ершей»³. Единственным исключением является ситуация с жителями д. Заозерье Мезенского района Архангельской области, которые имеют два «антонимичных» прозвища — *ершееды* и *трескоеды*. Подобную природу имеют и прозвища типа *векшееды*, перенесенные с наименований профессиональной группы (охотников на белок) на обозначения жителей определенной территории, ср. влг. *векшееды* ‘прозвище жителей Верховинского сельсовета’ (Бабуш.): «Говорят, они белок ели», ‘прозвище жителей Никольского и Яренского уездов Вологодской губернии’: «Охотничий промысел, и преимущественно за белкою, — один из главных промыслов в губернии и в особенности уездах Никольском, Устюжинском, Сольвычегодском, Яренском и Устьсысольском» [СРНГ, 4, 105].

«**Дикие животные**». Одной из особенностей прозвищного антропонимикона Архангельской области является заметное число единиц, образованных от слова *зайцы*, в форме собственно *зайцы* (Вел., Вил., В-Т, Котл., Леш., Он., Пин.), а также *зайчики*, *зайчата* (В-Т), *заюшки* (Он.), *зайки*, *заячане* (Леш.) и даже *зайка-трусишка* (Котл.). В Вологодской области таких прозвищ заметно меньше, только *зайцы* (Баб.) и (*мишинские*) *зайцы* (Чаг.). Такой дисбаланс не может объясняться разницей фауны: очевидно, что зайцы представлены в природном мире и той, и другой территории. Для прочих названий диких животных в составе коллективных прозвищ характерна корреляция с наиболее популярным объектом охоты в данной местности или же охотничьей «специализацией» той или иной деревни, что подтверждается контекстами. В случае же с зайцами, судя по всему, следует искать другие причины.

Мотивация «заячьих» коллективных прозвищ размыта. Большинство из них, по всей видимости, являются локативными, поскольку в контекстах указано, что носители прозвища жили «в лесу», иногда с уточнением «за рекой», ср.: *зайцы* ‘жители д. Лыковская’ (Вил.): «Лесные жители, о деревню лес»; ‘жители д. Смutowo’ (Пин.): «Живут в глухом лесу, вот и прозвали зайцами»; «Зайцами жителей деревни Смutowo называли, потому что они жили за рекой, и во время распуты они перебирались через реку, и про них говорили: “Не иначе как зайцами через реку скакали”» [Дранникова, 2004, 326] и др.

В ряде контекстов, кроме локативной, отражена также социально-профессиональная мотивация прозвища: так, для *зайцев* из д. Смutowo указывается:

³ Аналогичные коллективные прозвища, отражающие предпочтения в пище, широко распространены и в прибалтийско-финской антропонимии [Карлова, 2014, 78–80; Mäkinen, 2007, 98–101]. В функции, аналогичной русскому компоненту *-еды*, в карельском используется компонент *-marat*, от карел. *mara* ‘пузо, брюхо’ [Карлова, 2014, 78]: *kiiskimarat*, ср. карел. *kiiski* ‘ерш’; *kuurehmarat*, ср. карел. *kuoreh* ‘корюшка’ и др. [Там же, 79]. В финском языке используется компонент *-mahat*, от фин. *maha* ‘брюхо’: *kiiskimahat*, ср. фин. *kiiski* ‘ерш’; *kuoremahat*, ср. фин. *kuore* ‘корюшка’; *muikkumahat*, ср. фин. *muikku* ‘ряпушка’ и др. [Mäkinen, 2007, 98–101].

«Охотники все хорошие». Размытость, множественность мотивации подтверждается, на наш взгляд, тем, что данные прозвища обладают большим количеством дублетов, представленных наименованиями других животных (и даже птиц и рыб), ср. параллельно существующие наименования *зайчики // ры́бичи* (В-Т); *зайцы // клестя́та* (Вел.), *зайцы // кроты, собаки* (Котл.). Показательно также вовлечение указанных имен в длинные ряды зооморфных прозвищ, называющих жителей соседних деревень, ср.: «Сура — *галичи* (галки), Засурье — *заецы* (зайцы), <...> а в Прилуке — *крохали*, Осаново — *вороны*» [Дранникова, 2004, 126].

Некоторые антропонимы, судя по контекстам, являются характерологическими, ср. *зайцы* ‘жители д. Мишино’ (Чаг.): «Эти мишинские пугливые были»; «Драчливые они очень, прискакивали зайцами». Возможно, в прозвищах может содержаться намек на типичный внешний вид местных жителей, на что косвенно указывают параллельные наименования *зайцы // зубаны* (Леш.). Эти коллективные прозвища сближаются с семейными, для которых такая мотивация характерна в большей степени.

В связи с этим обратим внимание на продуктивность «заячьей» модели в семейных прозвищах Архангельской области: *Зайцы* (Вин., В-Т, Он., Прим., Уст.), а также *Зайчата* (Вел., Он.), *Зайчики* (Вил.). Фиксируются даже соответствующие уличные фамилии *Зайцевы* (Карг., Он.) и *Зайковы* (Карг., Плес.), в том числе восходящие к индивидуальному прозвищу — дед *Заюшка* (Карг.). В основу этого прозвища положен признак внешнего вида основателя рода: «Дед этой семьи жил очень долго, носил бороду. Борода, как и волосы, была седая, белая, как заяц-беляк. И деда стали звать Заюшкой, отсюда и прозвище потомков» (Карг., Скороходовская). Мотивационные признаки, лежащие в основе «заячьих» семейных прозвищ, могут видаться информантам и по-другому: «Дедка Заюшком прозвали — косой был» (Карг., Андреевская); «Дед мог догнать зайца» (Плес., Самковская); «Дано за быстрю походу» (Уст., Бестужево). В семейных прозвищах работает и еще одно мотивационное основание, отсутствующее в коллективных, — указание на большое количество детей в семье, ср. контексты: «У них самое большое семейство» (Он., Абрамовская)⁴; «Зайчиков много в семье было» (Вил., Меньшая); «Мальчиков у них в семье много было, бегали шибко» (Вил., Дресвянка).

Таким образом, география приведенных прозвищ более чем наполовину пересекается с ареалом соответствующих коллективных. Поэтому можно предположить, что указанные модели в семейной и коллективной прозвищной антропонимии поддерживают друг друга. В Вологодской области ситуация схожая: как и соответствующих коллективных прозвищ, семейных прозвищ, образованных от слова *зайцы*, зафиксировано существенно меньше — только *Зайцы* (В-Важ., В-Уст.) и *Зайчата* (В-Уст.).

⁴ Любопытно, что онежское семейное прозвище *Зайцы* имеет вариант *Кролики*: как известно, именно кролики характеризуется повышенной скоростью размножения.

Еще одну частотную номинативную модель реализуют наименования, образованные от слова *волк* (9 номинаций). Соответствующие коллективные прозвища представлены в Пинежском и Устьянском районах Архангельской области, а также на западе Вологодской области (Бабаевский, Вашкинский и Грязовецкий районы). Мотивация этих наименований различна. С одной стороны, они могут быть характерологическими: *вóлки* ‘жители д. Сумароково’ (Баб.): «Ругались всегда, кричали»; ‘жители с. Липин Бор’ (Ваш.): «Злые они, как собаки»; ‘жители д. Покровское’ (Ваш.): «Покровские волки худой народ». С другой стороны, часть этих прозвищ, как и прозвищ, образованных от слова *зайцы*, — локативные номинации, которые указывают на место проживания их носителей — в лесу: ‘жители к. д. Поречье’ (Ваш.): «Лесные жители, вот и волки»; ‘жители к. д. Слободка’ (Ваш.): «У леса жили».

«Волчьи» имена зафиксированы и среди семейных прозвищ, где они также распространены не повсеместно, а лишь на некоторых территориях: в Котласском и Пинежском районах Архангельской области, а также в Верховажском, Великоустюгском и Грязовецком районах Вологодской области, частично накладываясь на зону распространения соответствующих коллективных прозвищ. В целом же семейные прозвища являются характерологическими: «Лаются они сильно» (Котл., Б. Рычково), в некоторых случаях восходят к индивидуальным прозвищам: «Иваська Волк нелюдимый был» (В-Уст., Подворские).

Остальные «животные» прозвища, такие как *ёжики* (Уст., Ваш.), *кроты* (Котл., Пин.), *крысы* (Вел., Уст.), *олени* (Прим.)⁵, *песцы* (Мез.) и *хорьки* (Он.), представлены единичными примерами. Они редко получают мотивационные пояснения. В контексте к имени *олéни* отражена локативная мотивация: «Тёмные они, лесные жители» — о жителях д. Пушлахта (Прим.). *Кроты* имеют характерологическую мотивировку: «Как кроты, доберутся до сути, выведут на свое, выроют себе нору» [Калуцков, Иванова, 2006, 27, 78] — о жителях д. Большое Кротово (Пин.), однако это прозвище явно наведено названием населенного пункта. Реестр диких животных, получивший отражение в сфере семейных прозвищ, несколько шире: встречаются и *медведи* (по охотничьей «специализации» семьи), и *кабаны* (по внешнему виду), и *лисы* (обычно по рыжему цвету волос), и даже *куницы*.

«**Домашние животные**». Во всех рассмотренных ранее тематико-мотивационных группах число прозвищ, отмеченных на территории Архангельской области, существенно выше числа вологодских прозвищ. Исключением являются антропонимы, образованные от названий домашних животных: 27 прозвищ в Вологодской области, 20 — в Архангельской. Дело в том, что животноводство для жителей Архангельской области менее значимо, чем для вологжан.

⁵ Такая география соответствует ареалу одной из двух наиболее крупных популяций оленей на территории Архангельской области — Онежской.

Выделяется несколько зон номинативной плотности для группы «Домашние животные»: в Архангельской области — Вельский и Устьянский районы, в Вологодской — Никольский район, при этом если в других районах Архангельской области прозвища этого типа практически отсутствуют, то в Вологодской области они фиксируются в каждом районе, просто в меньшем количестве, что подтверждает высокую значимость скотоводства именно для данной территории. Об этом говорит и репертуар наименований животных, которые легли в основу прозвищ. Лидирующее положение — у названий тех животных (*бараны, лошади, козы, коровы, овцы*), от которых зависит ежедневное существование и пропитание крестьян (дают молоко, мясо, масло, шерсть; помогают обрабатывать землю и т. п.). Например, *козлы* ‘жители д. Леонтьевская’ (Уст.): «Козлов держали»; *коровники* ‘жители д. Соунино’ (Карг.): «Самые большие скотные дворы-коровники были в этой деревне» [Дранникова, 2004, 312]. При этом прозвищ, образованных от наименований наиболее распространенных домашних животных (*кошек и собак*), в коллективных онимах насчитываются единицы. Показательно, что в рамках индивидуальной прозвищной антропонимии процент «кошачье-собачьих» прозвищ резко возрастает, причем мотивировки являются в первую очередь характерологическими, например *Кот* ‘житель д. Бестужево’ (Уст.): «Ласковый он очень, семь раз женился»; (*Вася*) *Котко* ‘житель д. Гришинская’ (Вил.): «У него усы были, пришёл он раз грустный, ему говорят: “Ты что, как кот, усы повесил?” — с тех пор и пошло». Это обстоятельство подчеркивает различия в принципах номинации в разных разрядах прозвищной антропонимии (коллективная преимущественно отталкивается от видов деятельности, в то время как индивидуальная — от поведенческих черт человека).

«Насекомые». Еще одной зооморфной сферой, к которой обращаются носители диалекта в качестве источника коллективных прозвищ, являются наименования насекомых. Количество этих прозвищ существенно меньше, чем онимов, образованных от названий рыб и птиц: в материале фиксируется 19 прозвищ, причем 13 из них записаны в Архангельской области. Лидирующую позицию в данной группе занимает прозвище *тараканы*: ‘жители д. Мелеховская’ (Вел.), ‘жители д. Бор’ (В-Т), ‘жители д. Карашелье’ (Леш.), ‘жители д. Нивы’ (Баб.), которое является ярким пейоративом. Мотивация «тараканьих» прозвищ стерлась: для них не отмечено ни одного мотивировочного контекста. Возможно, в основе представление о низкой санитарной культуре жителей соответствующих деревень.

В ряде случаев антропонимы данной группы мотивированы особенностями местности, т. е. реализуют локативные мотивировки. Например, *комары* ‘жители д. Пылема’ (Леш.): «Так назвали из-за того, что в д. Пылема много комаров, так как деревня окружена множеством покосов»; ‘жители д. Бычье’ (Мез.): «У их леса, всё комары летали»; *пепяки (попяки)* ‘жители д. Павловский Бор’ (Он.): «Павлобора “пепяки”, у них до сих пор воды нет, озерко небольшое, в нем пепяки

живут», ср. *пепя́к* ‘водяной жук’ (Он.) [КСГРС]. Данная модель также часто используется для указания на большое количество жителей, например *саранчи́* ‘жители к. д. Сельцо’ (Холм.): «Много их завелось, как саранчи»; *мо́шки* ‘жители д. Долгощелье’ (Мез.): «На зверобойню поедут, как мошки их там, потому мошками и зовут»; *мураши́* ‘жители д. Керас’ (В-Т); ‘жители д. Пурышевская’ (В-Т). Хотя для последнего прозвища возможна и другая мотивация: «Они такие работные — так мураши-то и говорят». Во всех этих случаях номинация коллектива отталкивается от вторичных лексических значений слов (много как саранчи, мошки, муравьев).

«Земноводные». Данная тематико-мотивационная группа для образования прозвищ используется сравнительно редко. Среди идеограмм лидирует «лягушка»: *лягу́хи* ‘жители части д. Даниловская’ (Вил.): «Болотные жители, одни лягухи, другие кулики [прозвище другой части жителей этой же деревни]»; ‘жители д. Мироново’ (Бел.): «Болотные жители»; *лягуши́та* ‘жители д. Левково’ (Бел.); *лягуши́тники* ‘жители д. Мамоново’ (Баб.): «Там, вероятно, сыро было и водились лягухи»; *лягушечники* ‘жители г. Вологда’: «Вологда стоит на низком, болотистом месте; масса лягушек, и лягушечьи концерты можно летом слышать почти повсюду» [Дилакторский, 2006, 62, 244]. К наименованиям земноводных также может быть отнесено прозвище с единичной фиксацией *зме́и* ‘жители д. Летняя Золотица’ (Прим.). Все эти прозвища указывают на особенности ландшафта местности, где проживают номинируемые коллективы.

В коллективных прозвищах засвидетельствовано одно имя, образованное от обозначений ракообразных: *рачки́* ‘жители д. Лаврово’ (Бел.). При этом в сфере семейных прозвищ данная модель является довольно продуктивной: зафиксировано 5 номинаций *Раки* (*Рачки*).

* * *

Таким образом, наиболее широко представлены тематико-мотивационные разряды зооморфных прозвищ, образованные от наименований птиц и рыб, что обусловлено ландшафтными (наличие моря и крупных рек) и хозяйственными (рыболовный промысел, охота и т. п.) особенностями территории, в первую очередь Архангельской области, а также, возможно, субстратным влиянием. Ландшафтные особенности, очевидно, определяют и продуктивность прозвищ, в основе которых лежат названия диких животных (волки, зайцы и др.), мотивированных признаком «живут в лесу». Такие прозвища могут также сохранять информацию об охотничьей специализации или о характере / поведении, приписываемых местным жителям. Две последние мотивационные линии сближают коллективные прозвища с семейными: судя по нашим материалам, между этими двумя разрядами нередко происходит взаимообмен моделями, производящими основами и конкретными единицами, которые со временем могут менять свой

статус (чаще всего происходит переход из семейной антропонимии в коллективную, реже — наоборот). Наиболее «насыщенными» коллективными прозвищами оказываются поморская и лесная зоны Русского Севера, демонстрирующие разнообразие номинативных моделей и богатство конкретных лексических воплощений, содержащих немалое количество севернорусских диалектных лексем.

Эти основные выводы могут быть дополнены другими, вытекающими из рассмотрения представленного в статье материала в следующих аспектах:

- **о н о м а с и о л о г и ч е с к и й:** через призму зооморфной модели можно выявить типологические черты коллективных прозвищ в целом. В коллективных прозвищах, как и в индивидуальных, а также семейных, отражается образ «соседа» (только речь идет не об одном человеке и не о семье, а о целом социуме). Однако в отличие от индивидуальной антропонимии коллективные прозвища базируются скорее не на характерологических мотивировках, а на менее субъективных видах запечатлеваемой в прозвищах информации. Коллективные прозвища передают представления о месте жительства и роде занятий номинируемых. Например, в прозвище *комары* ‘жители д. Пылема’ (Леш.) отражена «локальная» мотивация: «В деревне много комаров, так как она окружена множеством покосов». В индивидуальных же прозвищах чаще проявляются субъективные мотивы номинации, например, *Комар* ‘житель д. Алексейково’ (Бабуш.): «Нос у него длинный»; *Комарик* ‘житель д. Маурино’ (Вил.): «Мой прадед был малинькой, краснинькой, как комарик, када напьёцца, и звали Комарик»;

- **а р е а л ь н ы й:** анализ материала в данном аспекте позволяет говорить об ареальной дистрибуции прозвищ, под которой следует понимать особенности распределения объектов номинации в рамках определенного номинативного пространства, выявить зоны «номинативной плотности» прозвищ, уточнить частотность фиксации той или иной тематико-мотивационной группы в рамках зооморфной модели для каждого района Архангельской и Вологодской областей. Так, зонами высокой номинативной плотности исследуемой модели коллективных прозвищ в Архангельской области можно назвать Вельский, Верхнетоемский, Мезенский, Онежский и Пинежский районы, в каждом из которых насчитывается 20–25 прозвищ, образованных от названий животных, птиц, рыб или насекомых. В Вологодской области зоной номинативной плотности является фактически только Бабаевский район, количество фиксаций в котором (25 прозвищ) сопоставимо с Архангельской областью. Еще в трех районах — Белозерском, Вашкинском и Никольском — насчитывается по 10–15 прозвищ. Значит, наибольшее количество изучаемых прозвищ отмечено на западе области, в Белозерье. Остальные же районы Вологодской области можно назвать зонами номинативной разреженности, так как количество прозвищ в них не превышает пяти или прозвища отсутствуют вовсе;

- **к о н т а к т о л о г и ч е с к и й:** некоторые тематические группы позволили проследить генезис анализируемой модели в контактологическом ключе.

В первую очередь внимание привлекает «птичья» модель, номинативный импульс для которой на территории Русского Севера, скорее всего, был дан финно-угорским населением, соседствовавшим здесь с русскими;

- **этнолингвистический:** рассмотрение коллективных прозвищ в данном аспекте позволяет реконструировать фрагмент традиционной языковой картины мира. Так, доминирование в Архангельской области прозвищ, образованных от названий птиц и диких животных, говорит, на наш взгляд, о «промысловом» (охота и рыболовство) мировоззрении номинаторов этой территории. В то же время в Вологодской области основной массив зооморфных прозвищ образован от названий домашних животных, что характеризует основное занятие жителей данного региона — разведение скота. Это же глобальное отличие прослеживается и в прозвищах жителей данных областей в целом: прозвище жителей Архангельской области — *трескоеды*, прозвище жителей Вологодской области — *телята, телёнки*. Это противопоставление неслучайно и емко характеризует особенности ландшафта каждой области, основные занятия населения, предпочтения в еде и т. п.;

- **семантическая реконструкция:** благодаря устойчивости и хорошей сохранности коллективных прозвищ в сознании носителей некоторые прозвища, основанные на диалектной лексике, позволяют произвести мотивационную реконструкцию диалектных слов, которые активно уже не употребляются. Например, наименование жителей д. Павловский Бор Онежского района Архангельской области *пяккí* (*попякí*) зафиксировано изначально в ономастическом материале, в лексическом корпусе слово уточнено позднее и только «от прозвища», так как в узусе оно употребляется редко, находясь на грани исчезновения.

Источники

- Дилакторский, 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
- Каргополье : фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. М. : ОГИ, 2009.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т : Русь, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

- Агапитов В. А.* Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежский сборник / науч. ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов. Петрозаводск : [б. и.], 1992. С. 48–60.

- Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006.
- Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск : Правда Севера, 2004.
- Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М. : Изд-во ПФОП, 2006.
- Карлова О. Л.* Коллективные прозвища жителей карельских деревень // Вопросы ономастики. 2014. Т. 16. № 1. С. 75–83.
- Макарова А. А., Чекан К. О.* Коллективные прозвища жителей Онежского района Архангельской области // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 16–19.
- Осипова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005 // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Mäkinen K.* Lollot ja kollot: Suomalaista naapurihuumoria. Helsinki : Otava, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 18.11.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	влг.	вологодские
------	---------------	------	-------------

В названиях административно-территориальных единиц

Баб.	Бабаевский р-н Вологодской обл.	Котл.	Котласский р-н Архангельской обл.
Бабуш.	Бабушкинский р-н Вологодской обл.	Лен.	Ленский р-н Архангельской обл.
Бел.	Белозерский р-н Вологодской обл.	Леш.	Лешуконский р-н Архангельской обл.
Ваш.	Вашкинский р-н Вологодской обл.	Мез.	Мезенский р-н Архангельской обл.
В-Важ.	Верховажский р-н Вологодской обл.	М-Реч.	Междуреченский р-н Вологодской обл.
Вел.	Вельский р-н Архангельской обл.	Ник.	Никольский р-н Вологодской обл.
Вил.	Вилегодский р-н Архангельской обл.	Он.	Онежский р-н Архангельской обл.
В-Т	Верхнетоемский р-н Архангельской обл.	Пин.	Пинежский р-н Архангельской обл.
В-Уст.	Великоустюгский р-н Вологодской обл.;	Плес.	Плесецкий р-н Архангельской обл.
	Великоустюжский у. Вологодской губ.	Прим.	Приморский р-н Архангельской обл.
Выг.	Вытегорский р-н Вологодской обл.	С-Двин.	Северодвинский р-н Архангельской обл.
Карг.	Каргопольский р-н Архангельской обл.	Уст.	Устьянский р-н Архангельской обл.
Кир.	Кирилловский р-н Вологодской обл.	Холм.	Холмогорский р-н Архангельской обл.
Кон.	Коношский р-н Архангельской обл.	Чаг.	Чагодощенский р-н Вологодской обл.

В названиях географических объектов

к. д.	куст деревень
-------	---------------

* * *

Макарова Анна Андреевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306
научный сотрудник
отдела этимологии и ономастики
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: toponimist@yandex.ru

Попова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: yu.b.vorontsova@urfu.ru

Makarova, Anna Andreevna

PhD, Senior Research Fellow,
Toponymic Laboratory
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
Research Fellow
Department of Etymology and Onomastics
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Email: toponimist@yandex.ru

Popova, Yulia Borisovna

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
Email: yu.b.vorontsova@urfu.ru

Anna A. Makarova***Yulia B. Popova****

*Ural Federal University

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

**Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

**ZOOMORPHIC PATTERN IN COLLECTIVE NICKNAMES
AMONG THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN NORTH**

The paper studies collective nicknames of the residents of the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions) to describe a productive zoomorphic naming pattern. The research is based on findings of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University which includes materials from field trips to the Russian North (1960–2019) as well as data published in dictionaries and monographs. The paper identifies lexical composition of the pattern, describes the geography of collective nicknames, and provides analysis of the material in terms of motivation, onomasiology, and language contacts. In some cases, collective nicknames are considered against the background of other types of nickname anthroponymy: family and individual nicknames. The analyzed body of nicknames includes both units formed from all-Russian vocabulary such as *vorony*, *ershi*, *zaitsey*, *kuliki*, etc., and less common names based on dialectal names of animals, birds, fish and insects (*revyaki*, *svizi*, *sivkuny*, *pepyaki*). The choice of animal species used in nicknames (in decreasing order: birds, fish, wild animals, pets, insects,

amphibians) as well as substantial quantitative differences between Arkhangelsk and Vologda region (more than 200 units vs 88) are attributable to landscape features (forest and water) and occupations of the population (hunting, fishing). Characterological motivations, widely used in individual nickname anthroponymy, are relatively rare among zoomorphic collective nicknames. The prevalence of some thematic and motivational categories (especially “birds”) in the nicknames is probably due to the influence of substrate Finno-Ugric languages.

К e y o r d s: Russian language, dialects, anthroponymy, collective nickname, zoomorphic naming pattern, language contacts, linguistic geography, Russian North.

- Agapitov, V. A. (1992). Ob ornitotoponimakh ostrovov arhipelaga Kizhskie shkhery (otrazhenie rodovykh i fraternal'nykh svyazei v toponimii Zaonezh'ia) [On Ornithotoponyms of the Kizhi Skerries Archipelago Islands (Reflection of Ancestral and Fraternal Ties in the Toponymy of Zaonezhye)]. In Yu. Yu. Surkhasko, & K. K. Loginov (Eds.), *Zaonezhskii sbornik* (pp. 48–60). Petrozavodsk: [s. n.].
- Drannikova, N. V. (2004). *Lokal'no-gruppovye prozvischa v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia priroda, etnopoetika* [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North. Functionality, Genre Nature, Ethnopoetics]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
- Kalutskov, V. N., & Ivanova, A. A. (2006). *Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii* [Geographical Songs in the Traditional Cultural Landscape of Russia]. Moscow: PFO Publ.
- Karlova, O. L. (2014). Kollektivnye prozvischa zhitelei karel'skikh dereven' [Collective Nicknames of Karelian Villagers]. *Voprosy onomastiki*, 1, 75–83.
- Makarova, A. A., & Chekan, K. O. (2019). Kollektivnye prozvischa zhitelei Onezhskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti [Collective Nicknames of the Residents of the Onega District of the Arkhangelsk Region]. *Zhivaia starina*, 3, 16–19.
- Mäkinen, K. (2007). *Lollot ja kollot: Suomalaista naapurihuumoria* [Humor of Finnish People's Neighbours]. Helsinki: Otava.
- Osipova, K. V. (2017). Dialektnye prozvischa Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvanii pishchi: etnolingvистический аспект [North Russian Dialectal Nicknames Derived from Names of Food: An Ethnolinguistic Approach]. *Voprosy onomastiki*, 14(1), 87–109. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005
- Vinokurova, I. Yu. (2006). *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov* [Animals in the Traditional Worldview of the Veps]. Petrozavodsk: PetrGU Press.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvisch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-Press Kniga.

Received on 18 November 2019